

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2021.4.8

Мир XXI века и глобальный проект: экономика, экология, человек

А. В. КОСТИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Пандемия сформировала новый социальный порядок, наиболее значимыми проявлениями которого стали карантинные меры, прерывание транспортного сообщения, ограничения транспортного сообщения между странами. Эти меры, принимаемые правительствами различных государств, поддерживаются их гражданами, ответственно относящимися к ситуации пандемии и воспринимающими эти ограничения как необходимые. Данная ситуация на пике этих мер в 2020 г. воспринималась как возврат в до-глобальное состояние мира. Казалось, что просвещенческая идея единства человечества, проходящего одни и те же стадии в своей эволюции и в своем развитии, нашедшая полное воплощение в проекте глобализации, приходит к своему исчерпанию. Однако это не так. Идея глобализации продолжает свое развитие, и одним из принципиальных трудов в этом направлении стала концепция «инклюзивного капитализма» К. Шваба, изложенная им в работе, написанной совместно с Т. Маллере, «Ковид-19. Великая перезагрузка». Работа содержит много «верных» позитивных идей, среди которых — тезис о том, что мира таким, каким мы его знали до пандемии, больше не существует, а радикальные изменения всего мира имеют такой масштаб, что о них будут говорить как об эре «до коронавируса». Представляется на первый взгляд привлекательной и такая идея Шваба и Маллере, как идея «инклюзивного капитализма», который авторы трактуют как связанный с индивидуализацией подход к потребностям каждого человека и включенность каждого в процедуры управления всеми производственными и социальными процессами. Однако переход к инклюзивному капитализму, как утверждают авторы, возможен только при условии передачи власти от государства к гиперкорпорациям. Но фактически это означает развитие идеи глобализации на новом этапе. В статье осмысливаются причины реактивации глобалистской риторики и ее содержание на новом этапе ее развития.

Ключевые слова: глобализация; экология; Римский клуб; универсализм; гуманизм; финансиализм; экономический кризис

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, в период пандемии, мы видим, что автономность государств возрастает, прежде всего из-за ограничений различных коммуникаций — транспортных, социальных, первоначально — торговых, налагаемых пандемией. Вместе с тем именно в пандемический период стали все активнее голоса сторонников глобализации. Почему же идея глобализации, которая периодически затухает под влиянием объективных причин — прежде всего экономических кризисов (и самого тяже-

лого из них — кризиса 2008 г., показавшего, что объединение национальных финансовых систем в общемировую становится фактором угрозы национальной безопасности государств), находит такое распространение? Возможно, одним из важных оснований для этого является прочность усвоения европейским разумом идеи универсализма, под влиянием которой общество жило последние 200 лет. Просвещенческий проект, одухотворенный высшими гуманистическими соображениями и направленный на выявление возможностей единения человечества, был, по сути, представлен И. Кантом, отмечавшим, что «философская попытка разработать всеобщую всемирную историю согласно плану природы, направленному на совершенное гражданское объединение человеческого рода, должна рассматриваться как возможная и даже как содействующая этому замыслу природы» (Кант, 1993: 117).

Просвещенческая установка на единство человечества нашла свое продолжение и развитие в концептах глобального общества и глобальной экономики. Они изменили как геополитическое пространство и само общество, так и методологию многих «наук о культуре». Так, история стала рассматриваться как глобальная, в рамках которой национальная и региональная истории теряют смысл, а репрезентативными являются лишь те исторические процессы, «которые пересекают границы традиционных единиц анализа (государств, регионов, областей) и охватывают весь мир» (Штомпка, 1996: 122). В качестве глобальных стали рассматриваться также и социальные процессы, а сама социология стала возможной лишь как «социология мирового сообщества», «первичными единицами анализа которой» выступают «нация, общество и культура» (там же: 120). Универсалистская трактовка истории как стадийно развивающегося процесса, опирающаяся на социальные и технологические аспекты развития, стала мощным методологическим основанием для концепций глобализации¹.

Проблема глобализации, как отмечает американский социолог Дж. Ритцер, уже в 1990-х гг. стала «одной из наиболее активно разрабатываемых тем современной социальной теории» (Ritzer, 2000: 283). Рассматривая особенности этой глобальной культуры, английский социолог Э. Смит выделял такие черты этой «космополитической» или «гибридной» культуры, как универсальность (опору на ценности, принятые во всех культурах в качестве значимых), техничность (опору на технологии, соответствующие четвертой промышленной революции и технотронной эре) и вневременность (возможность уравнивания в рамках глобализации всех ее участников вне зависимости от их исторического, общественного и культурного развития) (Smith, 1995: 20–24).

Это объективная сторона глобализации — процесса, в определенном смысле неизбежного в условиях возрастания экономической, финансовой, коммуникационной связности мира.

ДЕВАЛЬВАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Но есть и субъективная причина распространения глобализации — ее несомненный, прежде всего экономический, эффект от уменьшения суверенности государств как наций и их усиления как «государств-корпораций».

Увлекаемые преимуществами глобализации, государства — одни, самые сильные — в качестве субъектов глобальных процессов, другие, более слабые — в каче-

стве его объектов стали выстраивать глобальный мир, используя преимущества глобализма — в виде экономической, медицинской, образовательной помощи государствам со слабыми экономиками и их приобщения к мировому процессу развития. В то же время стала очевидной и цена глобализации — за улучшение качества жизни многим пришлось фактически отказываться от суверенитета. Демонтаж национального государства как института, резкое падение его статуса, снижение его экономической самостоятельности и превращение в составляющую глобальной гиперкорпорации, управляемой законами рынка, стали устойчивой тенденцией сначала XX, потом XXI в. Тогда исследователи, обсуждающие глобальную повестку, фиксировали, что государство утрачивает способность эффективно управлять экономическими процессами на самых разных уровнях и вынуждено проводить реформы, часто не соответствующие собственным национальным интересам: снижать количество рабочих мест, искусственно уменьшать уровень внутреннего потребления, максимально повышая при этом выпуск продукции на экспорт (Костина, 2019: 185). Об изменении значимости национального государства, в частности, свидетельствовала неспособность сложившихся национальных институтов и инструментов публичной политики противостоять новой универсальности и новой неолиберальной модели, в границах которой не остается места для национальных институтов власти, лишаящихся суверенитета. В то же время новый мир демонстрировал фактическую тоталитарность по отношению к любым попыткам восстановить государственную индивидуальность, не подчиняемую законам глобализма.

О девальвации национального государства и национальной культуры свидетельствовала и регионализация в рамках глобальной системы, которая последовательно лишает государство монополии на власть. Процесс активного обособления национально-этнических культур свидетельствовал о том, что территориальная целостность и культурное единство национального государства сталкиваются с требованиями отделения и признания политического суверенитета, которые исходят от местных или региональных представителей иных культурных идентичностей.

Так было в 1990-е гг. и продолжалось вплоть до мирового экономического кризиса 2008 г., впервые за все эти годы увлечения глобализмом показавшего его опасность. Понятно, что в 1990-е гг. в результате разрушения Советского Союза Запад, и прежде всего США, получил столь значительное число дешевых топливно-энергетических, химических и металлургических ресурсов и столь значительное высвобождение собственных средств, полученных от сокращения военных расходов (Фурсов, 2019: Электронный ресурс), что десятилетие до начала 2000-х гг. стало одним из самых экономически эффективных для этих стран.

Однако кризис 2008–2009 гг. однозначно показал, что западная экономика в своем классическом двухвековом варианте больше не существует — нацеленность на производство прибыли уступило место финансовым спекуляциям. И если в рамках классического капитализма финансовые операции соотносились с реальными экономическими процессами, то в рамках финансиализма — как своеобразной «мутации» капитализма — экономика виртуализировалась. Эти процессы соответствовали задачам банкиров, действующих в рамках легитимизированных финансовых спекуляций, направленных на введение в финансовый оборот деривативов, утрачивающих свою подлинную стоимость и обесценивающихся с каждой операцией в качестве обеспечивающего актива.

Кризис 2008–2009 гг. был закономерен — он был обусловлен, во-первых, крахом финансиалистской политики, во-вторых, кризисом, связанным с завершением бизнес-цикла 1990-х гг., отсроченным появлением ресурсов от распада СССР и соцлагеря (Андрей Фурсов ... , 2019: Электронный ресурс). Этот кризис был тем более сокрушителен, что в странах ОЭСР в период 1945–2008 гг. не было глобальных спадов. Это позволило в 2003 г. нобелевскому лауреату 1995 г. Роберту Лукасу в своем выступлении в Американской экономической ассоциации заявить, что «центральная проблема предотвращения депрессии была решена для всех практических целей», а годом позже Бену Бернанке подтвердить эту позицию: «...современная экономическая политика решила проблему делового цикла, или точнее — низвела проблему до точки, где надо скорее говорить о нюансах, а не о полномасштабной теме» (цит. по: Ремчуков, 2009: Электронный ресурс).

Однако вскоре после подобных заявлений разразился невиданный по масштабам экономический кризис 2008 г., который показал их ошибочность. На восстановление экономики ушло примерно 10 лет, хотя динамика среднегодового прироста объема промышленного производства США с 1973 до 2017 г., несмотря на предпринимаемые усилия, все время снижалась (Арутюнян, 2018: Электронный ресурс). Не помог восстановлению экономики и переход на цифровые технологии — в значительной степени из-за того, что они направлены «не на сферу производства, а на сферу обращения — рекламу, маркетинг, финансы» (Фурсов, 2019: Электронный ресурс). Фактически это фиксировали ведущие ученые мира, принявшие участие в 2018 г. в конференции, организованной Институтом сложности Санта Фе (США). Их главный вывод был таков: четвертая промышленная революция — это миф, направленный на отвлечение от незавершенного проекта третьей промышленной революции, исчерпавшей свой потенциал роста производительности труда всего за 25 лет. Она не смогла обеспечить стабильный рост экономики, давая все время сбои (там же). И очередной сбой этой системы был вызван пандемией, полностью ее парализовавшей.

Важно, что именно в это время была вновь поставлена на повестку дня идея глобализации.

Но главная причина кризиса — в ином, в самой капиталистической системе, вступившей в фазу своего кризиса, — это отчетливо показал 2008 г., открывший миру новую природу этой системы как системы финансовых спекуляций. Эту позицию разделяют ведущие эксперты, в том числе такие именитые, как президенты Римского клуба Эрнст Вайцзекер и Андерс Вейкман, подготовившие при участии тридцати четырех других членов клуба доклад к его 50-летию «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» (Weizsäcker, Wijkman, 2018).

ЮБИЛЕЙНЫЙ ДОКЛАД РИМСКОМУ КЛУБУ: КОНЦЕПЦИЯ «ПОЛНОГО МИРА»

Необходимо отметить, что доклад был представлен к обсуждению в 2018 г., фактически накануне пандемии. Поэтому авторы не имели возможности учесть те глобальные изменения, которые произошли в мире начиная с 2020 г. COVID-19, согласно докладу Всемирного фонда дикой природы (Ланд, Швейцария) 2020 г. «Живая планета», является лишь «последним из ряда инфекционных заболеваний животного происхождения, на долю которых приходится более 70% всех недавних

пандемий и эпидемий... Так было в случае с вирусом Нипах в Малайзии в 1998 году, атипичной пневмонией в Китае в 2003 году, лихорадкой Эбола в Западной Африке в 2013–2016 годах и многими другими случаями» (Живая планета 2020, 2020: 77: Электронный ресурс). Появление подобных вирусов обусловлено ростом численности населения, стремительной урбанизацией и активной миграцией, которые увеличивают антропогенную нагрузку на природу — вырубку лесов и освоение земель под растениеводство и животноводство. Под производство сельхозпродукции и животноводство в настоящее время занята одна треть поверхности суши и затрачивается 75% общего объема пресной воды.

Еще в 1996 г. академик Н. Н. Моисеев писал об этой проблеме и приводил в пример Голландию, где экологическая организация «Дети Земли» провела исследование «Устойчивые Нидерланды» («План действий»), показав, что их страна должна сократить водопотребление на 40%. Именно в Нидерландах, показывает Моисеев, сформировался «принцип равенства “энвайроментальных пространств”» (Моисеев, 1998: 67). Его смысл в том, что каждая страна имеет право расходовать ресурсы природы только в тех объемах, которые напрямую соотносятся с числом населения. Очевидно, что сегодня при огромных объемах потребления, особенно в странах первой десятки развитых экономик, достижение такого соотношения невозможно. Даже в самой Голландии, как пишет Н. Н. Моисеев, небольшой стране, для достижения этого принципа необходимо сократить «выбросы углекислоты в атмосферу в 6 раз» (там же: 58), что невозможно при существующих технологиях мусоросжигающих заводов. Что же говорить о США с его ВВП в 20 494 100,00 долл., Китаем с ВВП 13 608 151,86 долл., Японией — 4 970 915,56 долл., Германией — 3 996 759,29 долл., Великобританией — 2 825 207,95 долл., Францией — 2 777 535,24 долл., Индией — 2 726 322,62 долл., Италией — 2 073 901,99 долл., Бразилией — 1 868 626,09 долл., Канадой — 1 712 510,03 долл., Россией — 1 657 553,77 долл. (Калинина, 2021: Электронный ресурс)?

Пандемия стала тем фактором, который направил внимание общественности в сторону экологии и этичного потребления, когда стали наблюдаться отказ потребителей от излишнего количества продуктов и минимизация пищевых отходов. По данным проведенного в 2020 г. международной консалтинговой компанией Accenture социологического исследования, таких потребителей стало 64%. В частности, в России людей, вовлеченных в практику ответственного потребления, связанного с бережным отношением к окружающей среде, отказывающихся от покупки одежды из натурального меха и кожи, продуктов компаний, загрязняющих среду, заменяющих пластиковые пакеты на включаемые к рециклинг отходов, предпочитающих продукты с маркировкой «био» и «эко», оказалось не менее 53% опрошенных².

Несмотря на то что доклад Римского клуба был представлен в до-пандемическом мире, он достаточно полно определяет состояние мира и сегодня, что и составляет его актуальность.

Основная идея доклада связана с провозглашением необходимости философского осмысления тех изменений, которые произошли с цивилизацией за полвека существования Клуба. За основу здесь берется концепция «полного мира», сформулированная американским экологом и экономистом Германом Дейли. Он показывает, что современная цивилизация развивается в мире, «наполненном до краев», но живущем по-прежнему по законам «пустого мира» —

с обилием территорий и ресурсов, того мира, каким он был в момент формирования цивилизации. Нужно менять законы жизни и мировоззрение, иначе коллапс неизбежен.

В качестве перспективы предлагается формирование новой планетарной цивилизации и «нового Просвещения». Фактически основная повестка доклада связана с тезисом об ответственном глобализме.

Конечно, эта идея не нова — она впервые была представлена для обсуждения именно экспертами Римского клуба. Одними из первых результаты моделирования развития цивилизации представили Донелла и Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Беренс в докладе Римскому клубу 1972 г. «Пределы роста» (Meadows D. H., Randers, Meadows D. L., Behrens, 1972). Эта модель рассчитывалась с учетом 9 основных переменных: невозобновляемые ресурсы; промышленный капитал; сельскохозяйственный капитал; капитал сферы услуг; свободная земля; сельхозугодья; городская и промышленная земля; неудаляемые загрязнители; народонаселение. Кроме того, в вычислениях учитывалось более 30 вспомогательных переменных и параметров, которые вместе с основными были связаны между собой 16 нелинейными дифференциальными уравнениями.

Авторы представили 12 сценариев развития человечества — как активных, связанных с ограничениями по загрязнению окружающей среды, созданием синтетических продуктов питания, контролем рождаемости и их различных вариантов, так и инерционных, предполагающих отсутствие действий. Были показаны последствия реализации этих сценариев — рост или резкое уменьшение численности населения, ограничения по продовольствию или голод, резкое падение или незначительное ухудшение уровня жизни (там же: 102).

Авторы в своих прогнозах были настроены весьма оптимистически, будучи уверенными в том, что человечеству как виду ничто не угрожает. Однако они понимали, что даже реализация наиболее благоприятных сценариев заставит человечество отказаться от многого из того ряда, который составляет привычное потребление. Неблагоприятный сценарий, следствием которого станет резкое снижение уровня жизни, авторы связывали с 2020 г. — пусковым механизмом этого процесса, согласно прогнозу, явится исчезновение легкодоступных сырьевых ресурсов, которое приведет к спаду производства, а также истощение почв, следствием которого станет голод.

Поскольку ко времени написания следующей книги «За пределами роста», опубликованной в 1993 г. (Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й., 1994), был реализован пассивный сценарий с отсутствием каких бы то ни было существенных действий, Д. Х. и Д. Л. Медоузы и Й. Рандерс определили, что рассчитывать на благоприятные перспективы невозможно, так как их время упущено. Единственным сценарием, на который авторы возлагали надежды (как это было показано в работе 2004 г. «Пределы роста: 30 лет спустя» (Медоуз Д. Х., Рандерс, Й., Медоуз Д. Л., 2007), оставался тот, что был связан с ограничением роста народонаселения и усовершенствованием технологий.

Что предлагает доклад 2018 г.? Для реализации стратегии «гарантированной планетарной безопасности и выживания» миру необходимо стремительно осуществить фундаментальную трансформацию систем производства и потребления, а для этого максимально сократить рождаемость; перераспределить продовольственные ресурсы, обеспечив пищей голодающих, помня в то же время о том, что жи-

вотноводство — роскошь, в «полном мире» непозволительная; сократить темпы урбанизации, так как в городе потребление ресурсов увеличивается в четыре раза; критически относиться к «экспоненциальным технологиям» и прогнозам относительно сингулярности как демотивирующих людей к развитию и поиску сложных решений, требующих изменения образа жизни.

Однако эти тезисы в той или иной мере и в разной терминологии были представлены во всех предыдущих докладах. Но есть в докладе и ряд принципиально новых позиций — одна из них касается именно глобального капитализма. Авторы опровергают тезис о том, что источником глобализма являются концепции Адама Смита, Давида Рикардо и Чарльза Дарвина, и выступают как защитники национального государства и локальных культур. Они показывают, что забота о человеке есть социальная функция именно государства, но не корпорации, что диверсификация в большей степени, чем универсализация, может стать источником инноваций для развития человечества и поиска путей и способов выживания в условиях «полного мира».

Второй чрезвычайно важный тезис доклада — обоснование необходимости целенаправленного формирования новой философии, основанной на целостном мировоззрении и отказе от «наивного реализма». Действительно, в мире с высокой степенью неопределенности и стохастичностью процессов сложно опираться на линейные системы осмысления происходящего. Именно поэтому в современном мышлении необходимо учитывать также принципы неопределенности Гейзенберга и концепции комплементарности Бора.

Преодоление прямолинейного материализма, опора на целостное мировоззрение и гуманистическое мышление, но свободное от антропоцентризма, приведшего человечество к эпохе антропоцена, где вся биосистема на 97% состоит из самого человека и одомашненных им животных, — все эти принципы устойчивого развития должны стать основными. Авторы доклада провозглашают продуктивность нового мышления, основанного на синергии материалистического и интуитивного познания, на балансе между человеком и природой, инновационностью и традиционализмом, скоростью и стабильностью, индивидуализмом и коллективизмом, равенством и справедливостью, государством и религией как фактором этического регулирования. И этот, третий тезис доклада представляется принципиально важным. Фактически авторы отстаивают продуктивность мировоззрения, основанного на сочетании (в терминах доклада — «синергии») секулярной и религиозной традиции.

Формирование нового мышления становится важнейшей функцией образования. Можно поддержать авторов в их убежденности, что образование должно носить ценностный характер; фокусироваться на устойчивости развития; формировать в дополнение к аналитическому интегральное мышление, направленное на более полное понимание реальности; рассматривать информационные технологии как «способствующие связи между людьми» (Weizsäcker, Wijkman, A., 2018).

Резюмируя, можно отметить, что доклад выдержан в русле традиционной для Римского клуба риторики и не вызывает возражения. Более того, некоторые его положения представляются в полной мере соответствующими запросам времени.

*ЮБИЛЕЙНЫЙ ДОКЛАД РИМСКОМУ КЛУБУ:
ГЛОБАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА*

Однако есть в докладе то, что принять без комментариев сложно.

Во-первых, доклад как документ достаточно объемён и системен — в качестве обоснования авторы постоянно ссылаются на большой массив исследований, а в самом тексте присутствуют ссылки на различных авторов. Вместе с тем эта система ссылок и отсутствие многих данных в самом тексте придают ему открытость, где основная система доказательств как бы «выведена» за рамки текста. Этим он существенным образом отличается от тех моделей, которые были представлены в первых докладах Римскому клубу. Именно поэтому «провисают» многие тезисы доклада. Так, верно критикуя ВВП как фактор стремления к неограниченному росту и показатель, отражающий скорость оборота средств, поддерживать которую могут и бедствия людей — аварии, несчастные случаи, болезни, требующие расходов и, следовательно, приводящие к увеличению ВВП, — авторы обходят вопрос о влиянии на этот показатель двух разных экономик — реальной и виртуально-спекулятивной. Первая обеспечивает реальный рост экономического сектора, который чрезвычайно мал на фоне роста показателей второго — основанного на финансовых операциях и опирающегося не на экономическую деятельность, а на манипуляции с капиталом, причем с капиталом не промышленным, а лишь отчасти эквивалентным ему финансовым.

Во-вторых, доклад обладает не всегда обоснованной риторикой. Так, основная его идея связана с тезисом об умирании капитализма, переродившегося в финансовые спекуляции и позволяющего выводить в офшорные зоны колоссальные суммы от 21 трлн долл. до 32 трлн долл. («Оценки количества средств, которые спрятаны в налоговых гаванях, таких как Британские Виргинские острова, Каймановы острова и многие другие тайные юрисдикции по всему миру варьируются от 21 триллиона до 32 триллиона долларов» (Weizsäcker, Wijkman, 2018: 75)). Для разрешения этой ситуации авторы предлагают «изменить законы». Однако законодательство — это целая система законов, опирающихся на определенные принципы, и изменение законов потребует системного пересмотра всего законодательства, и главное — его принципов, которые отражают идеологию государства. В этом контексте призыв авторов доклада выглядит как риторическая операция, направленная на формирование позитивного контекста всех остальных позиций доклада.

В-третьих, небесспорным представляется тезис доклада, связанный с идеологией будущего, основанной на сочетании материалистического принципа (который подвергается критике) и идеалистически-религиозного. Такое сочетание возможно — оно как раз смогло бы обеспечить смягчение противостояния воинствующей секулярности и религиозного фундаментализма. Но как это сделать? Вера — то, что не поддается рациональному осмыслению, в этом и состоит ее главное свойство. Тот путь, который предлагается в докладе, — через плюрализацию идеологии и образования — не представляется эффективным. Более того, требование обеспечить свободу содержания образования и отказаться от «продвижения отдельных школ мысли» (там же) представляется противоречащим самому духу университета как института производства знания, а значит, и научных концепций и возникающих вокруг этих идей научных школ. Кроме того, само национальное государство, которое поддерживают авторы доклада, зиждется именно на единой системе

образования, формирующего не только систему знаний у обучающихся, но и систему представлений во всей совокупности ценностей и представлений, опирающихся на национальную историю и героическую мифологию. И в этом смысле «инклюзивное образование», за которое ратуют авторы доклада, выступает как внеидеологичное, лишенное культурной компоненты, нейтральное по отношению к тем смыслам, которые составляют такую же его ценность, как знания.

В-четвертых, вызывает серьезное опасение тезис доклада, связанный с призывом к замене «линейной логики» «круговой». Пока речь идет о рециклинге отходов, о ремонте и повторном использовании вещей, он может быть, безусловно, поддержан. Возможно, с оговорками, можно поддержать аналогичный тезис об отказе от личного автотранспорта в пользу каршеринга как более рационального. Однако в тот момент, когда авторы продолжают этот ряд повторного использования предложением отказа от эксклюзивного владения в сфере недвижимости в пользу модели «совместного использования», возникают серьезные сомнения. С точки зрения рационального потребления и минимизации экологического следа отказ человека от владения всем — начиная от товаров потребления и завершая недвижимостью — превращает человека в максимально зависимого от внешних обстоятельств и воли тех, кто будет осуществлять управление людьми. Человек лишается свободы, связанной с выбором, деятельностью, формами активности, превращается в удобный объект управления и манипуляции.

В докладе присутствует еще много нюансов, вызывающих желание их осмыслить в дискуссионном ключе, которые и должны содержаться в любом важном документе, предлагающем новый подход к осмыслению чрезвычайно важных проблем.

Но есть принципиально важный момент, на котором хотелось бы остановиться особо.

В качестве методов разрешения обозначенных вопросов авторы настаивают на необходимости формирования в мире с глобальными проблемами глобальных же методов их решения — формирования глобальных правил, обязательных к исполнению всеми государствами, так как многие национальные решения оказывают влияние на весь мир. Соответственно, это требует формирования глобальных центров управления человечеством наподобие «Всемирного совета будущего» (World Future Council) Якоба фон Икскулля и «Великого перехода» (Great Transition) Пола Раскина. И это вызывает серьезные сомнения. Хотя бы потому, что, критикуя глобальные корпорации в качестве субъекта современного развития и отстаивая право на развитие национального государства, авторы фактически обосновывают необходимость глобализации. Можно признать, что законы глобализма приемлемы и даже позитивны для решения многих проблем, носящих глобальный характер.

Действительно, поскольку государство может управлять только теми процессами, которые осуществляются в рамках его границ, он не может определять стратегии решения проблем, имеющих характер глобальных, — одна из наиболее значимых из них (наряду с угрозой мировой войны) — это проблема экологии и — шире — климатических изменений на планете. Ее особую значимость и сверхактуальность подчеркнула пандемия, уже в первое полугодие унесшая жизни сотен тысяч людей, ставшая основанием для долгосрочного экономического спада и принесящая ущерб странам, исчисляемый триллионами долларов США.

Однако законы решения глобальных проблем, хотя и должны приниматься всеми государствами сообща, не являются универсальными. К примеру, тезис о необходимости уменьшения рождаемости применим к таким странам, как Китай, Индия, многим африканским странам. Но по отношению к России этот тезис недопустим как ослабляющий ее национальную безопасность.

Точно таким же выглядит призыв к уменьшению экологического следа, который в целом не вызывает возражения. Но он опять-таки должен быть дифференцирующим. Действительно, согласно докладу 2020 г. Всемирного фонда дикой природы «Живая планета», за последние 60 лет экологический след человечества, расчет величины которого основывается также на статистике ООН, увеличился примерно на 173%, превысив биоемкость Земли на 56%, — иными словами, уровень потребления человечества соответствует примерно 1,56 планеты (Живая планета 2020, 2020: Электронный ресурс). Однако если выразить «экологический след» в количестве гектаров, необходимых человеку для его жизнеобеспечения, самым большим он будет в развитых странах. Первые пять стран в рейтинге — это «Катар (11,64 га на человека), Кувейт (9,68 га), ОАЭ (8,4 га), Дания (8,22 га) и США (7,17 га)» (Сафронова, 2012: Электронный ресурс). Они заняли лидирующие позиции, прежде всего вследствие огромных выбросов в атмосферу углерода, и если бы потребление на Земле было таким же, как у среднего индонезийца, тогда человечество использовало бы биоемкость планеты только на две трети, если бы за основу потребления был взят средний американец, тогда человечеству понадобилась бы биоемкость четырех планет Земля. Значительную опасность представляют быстрорастущие экономики Бразилии, Индии, Индонезии, Китая и ЮАР — так называемой группы БРИКС, экологический след которых вырос с 1965 г. на 65%. Несмотря на высокий ВВП, Россия в рейтинге потребления природных ресурсов занимает 33-е место (там же).

Если вернуться к вопросу о пользе глобализации, то можно с уверенностью сказать, что она несет безусловные блага странам со слабыми экономиками, с разрушенной государственностью, не обладающим собственной спецификой, самобытной культурой и прочной идентичностью.

НУЖНО ЛИ РОССИИ СЛЕДОВАТЬ КУРСОМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?

Россия — иная. Российская цивилизация сформировалась за тысячелетие своей истории (по крайней мере, с начала ее христианизации) в рамках определенной территории, объединив под своей защитой множество неславянских племен и народов. Она обладает собственной спецификой, особым пониманием мира и человека в нем, особой ценностной системой. Все эти составляющие стали основой общероссийской идентичности, к которой устремляется сегодня сознание многих людей, ощущающих натиск фаустовской цивилизации и фаустовского человека, обладающего рационализмом, скептицизмом ко всему нематериальному, технократизмом и сциентизмом в качестве целевых установок (Шпенглер, 1998).

Таким образом, принимая основные тезисы юбилейного доклада Римскому клубу, можно усомниться в верности многих предлагаемых его авторами решений.

В своей книге «Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада?» (Къеза, 2016: Электронный ресурс) известный итальянский политический журналист Джульетто Къеза пишет о тех идеях, которые одухотворили развитие Запада и позволили ему

выступить в качестве агента глобализации. Весь мир увидел справедливость законов, развитие технологий, демократичность институтов власти. Однако обаяние этих идей достаточно скоро перестало быть привлекательным, а подчиненные страны стали говорить не о помощи, а о политике завоевания. В связи с этим Дж. Къеза приводит известное высказывание С. Хантингтона: «Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но скорее превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут» (Хантингтон, 2011: 65).

Многие позиции глобализма западным идеологам (Robertson, Khondker, 1998; Global culture..., 1990; Waters, 1995) изначально представлялись архаичными, так как глобальный проект они понимали прежде всего как актуализацию идеологии индивидуализма, как некий аналог модернизации, которая, как и глобализация, также направлена на разрушение традиции и духа коллективности (Бергер, 2004: 16–17). Но как показала практика последних четырех десятилетий, именно ценность собственной традиции является для не-западных стран самой значимой — не протестуя против западных технологий, они не готовы принять принципиально иную западную культуру. И дело здесь не в собственных технологиях, обрядах и верованиях, безусловно специфичных, а в том, что весь мир Запада существенно отличается от их собственного мира уже в своих основаниях — вплоть до концепций восприятия пространства и времени, которые отнюдь не универсальны, а сформированы каждым народом в процессе его собственной истории.

Практика показывает, что относительно безболезненным для любых культур является процесс обмена поверхностными элементами, в том числе технологиями. Более же глубинные установки, отражающиеся в картине мира, ценностной системе, представлениях о мироустройстве, в характере символического опредмечивания мира, не поддаются унификации, генерализации и механическому совмещению. Если такое происходит, можно говорить не о глобализации, скажем, ценностей, а о замене одних ценностей и соответствующих им культурных миров другими, о поглощении одной картины мира, одной символической системы другой. Запад собственные ценности рассматривает в качестве универсальных, обладающих равной значимостью для представителей любой культуры. Однако ценности равенства, индивидуализма, либерализма, демократии не встречают поддержки в исламской, конфуцианской, буддистской, индуистской культурах. Подобный взгляд американских исследователей на процессы глобализации культуры как естественные, но временно не завершённые в большой степени отражает европоцентристскую позицию, причем достаточно ограниченную.

И когда эти различия проявляются во всей своей полноте, становится очевидным, что единственным способом экспорта западной модели остается силовой метод. Пока Запад такой монополией на силу обладал, данный метод работал — Запад верил в свою силу так же, как верили в нее остальные страны. Но эта вера в могущество Запада уже в первые десятилетия XXI в. существенно пошатнулась. Этому способствовало в том числе участие России в 2015 г. в боевых действиях в Сирии против террористических формирований, которое привело к восстановлению контроля за территориями со стороны правительства. Оно показало всему миру, что силы и технологии доступны не только Западу. Могущество Запада

держалось на теории непрерывного и бесконечного роста. «Теперь же все убедилось, — пишет Дж. Кьеца, — что никакого роста нет. Запад отчаянно делает вид, что рост все еще продолжается. Он жмет на все рычаги средств массовой информации, чтобы продемонстрировать картинку роста. Однако этот рост — блеф, он существует только на экране телевизора, а в реальности ничего похожего не наблюдается» (Кьеца, 2016: Электронный ресурс).

Национальное государство давно пытаются упразднить и заменить его государством-корпорацией, фактически живущим не национальными интересами, а транснациональными и корпоративными. Ультраглобалисты как основные субъекты глобальных процессов все время актуализируют идею глобализации, представляя наднациональные структуры в качестве тех, что оказываются единственно способными справиться с мировым кризисом, вызванным пандемией. В арсенале их аргументов — необходимость не просто восстановления экономик мира, испытывающих кризисное состояние в связи с пандемией, и устойчивого экономического развития, но и необходимость обеспечения *инклюзивного* роста, направленного на повышение качества жизни и создание равенства возможностей для всех групп населения. Клаус Шваб и Тьерри Маллере полагают, что экономики, «когда они выздоравливают», могут «вернуться к нормальной работе, как раньше». Но способность «встать на путь большей инклюзивности» авторы связывают с возможностью этих экономик «быть более приспособленными к потребностям нашего глобального достояния» (Schwab, Malleret, 2020: 7).

Действительно, необходимо обеспечить людей планеты такими возможностями, как «обеспечение доступности основных медицинских услуг и защита систем здравоохранения; оказание помощи людям в преодолении испытаний посредством социальной защиты и основных услуг; защита рабочих мест, поддержка малых и средних предприятий и работников неофициального сектора посредством программ экономического реагирования и восстановления; руководство необходимым подъемом фискальных и финансовых стимулов, для того чтобы макроэкономическая политика работала на благо наиболее уязвимых слоев населения, и усиление многосторонних и региональных ответных мер» (Цели в области устойчивого ... : Электронный ресурс). Но эти возможности должны быть достигнуты за счет реализации целей устойчивого развития, а не достижения целей инклюзивного капитализма (Schwab, Malleret, 2020).

Причем — несмотря на алармистские высказывания по поводу способности государства к решению всех этих, в том числе «инклюзивных», задач — мы сегодня видим, что именно государство как институт, а не гиперкорпорация в период пандемии стало источником реальной социальной поддержки целого ряда категорий граждан, в первую очередь наименее социально защищенных. В ситуации пандемии государство проявило свою способность выполнять роль «кризисного управляющего» и доказало, что меры, им принимаемые, выступают как эффективные и своевременные, способствуя макроэкономической стабилизации (Синявская, 2021: 41).

В период пандемии охват населения программами социальной поддержки со стороны государства существенно усилился. Согласно данным Международной организации труда, на 15 января 2021 г. антикризисные программы общим числом 1622 были реализованы в 209 странах мира. Эти данные практически совпадают с представленными Всемирным банком, согласно которым на 11 декабря 2020 г. та-

ких программ было 1414 в 215 странах мира. Важно, что примерно 2/3 антикризисных мер относятся к социальным. Подобные меры предпринимались и в России, смягчая безработицу среди населения в период первой волны пандемии и не допуская увеличения уровня бедности, который сохранился примерно в допандемическом состоянии и составил 12,1% (в 2019 г. — 12,3%) (там же: 39). В целом доля социальных выплат в структуре доходов населения повысилась до 21%, это рекордный показатель начиная с 2000 г. Поддержка со стороны государства малообеспеченных групп позволила им не ощутить последствия пандемии как катастрофические (Мониторинг ... , 2021: 31).

Подводя итоги, отметим, что на рубеже второго — третьего десятилетий XXI в. появилось несколько чрезвычайно важных и имеющих концептуальную значимость документов и работ, среди которых — доклад Римскому клубу Э. Вайцзекера и А. Вийкман и книга К. Шваба и Т. Маллере. Несмотря на то что эти документы появились в доковидном и послековидном мире, они имеют одну общую основу. Признавая необходимость осуществления позитивных преобразований в мире, в качестве основного метода их решения, возвращаясь к риторике глобализации, они предлагают формирование глобальных центров управления, которые носят наднациональный характер.

Нужно ли это России с ее историей и традициями, с ее национально-культурной идентичностью и способностью к продвижению по самостоятельному пути развития? Вряд ли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это понимание самостоятельности пути России в ее сопротивлении глобализму было обосновано в ряде концепций, одной из наиболее обстоятельных из которых стала идея Русского ковчега³. Авторы книги «Русский Ковчег. Альтернативная стратегия мирового развития» называют Потопом «фундаментальное противоречие между человеком и законами природы и космоса, когда человечество в целом и антропобиосфера как возникшая на основе человечества суперсистема развивается в направлении экстенсивного самоубийственного роста за счет всех и вся и, используя дарованный человеку разум, способна искусственно задержать вектор этого роста. Потоп генерирует: неопределенность смысла жизни и функционального предназначения каждого народа и цивилизации; возникновение непримиримых противоречий между биосферой и техносферой; разнонаправленность естественных, гуманитарных и религиозных систем знаний» (Аверьянов, Калашников, Черемных, 2021: Электронный ресурс).

Эта концепция формировалась в течение полутора десятка лет и нашла свое научное воплощение в 2019 г. в коллективной монографии «Россия — Ноев Ковчег человечества» (Россия — Ноев ковчег ... , 2019), подготовленной специалистами Института опережающих исследований им. Е. А. Шифферса, и в коллективном труде «Русский Ковчег. Альтернативная стратегия мирового развития», в подготовке которого приняли участие члены Изборского клуба (Аверьянов, Калашников, Черемных, 2021: Электронный ресурс). Авторы обосновывают возможность противопоставления Цивилизации Потопа и «мерцающей в будущем» Цивилизации Ковчега.

Представляется, что у России есть все то, что необходимо для реализации своей собственной исторической программы (Иванов, Малинецкий, 2018). Есть гене-

тическая память народа, во всех войнах и сражениях отстаивающего право на собственное развитие. Есть ресурсы страны в виде территории и полезных ископаемых. Есть понимание того, что национальная самостоятельность — необходимое условие развития народа, родившегося на этой земле (Ильинский, 2019: 5–20). Эффективное развитие в сотрудничестве с разными странами, достижение целей научно-технологического инновационного развития как залога повышения благосостояния народа, модернизация экономики и промышленного потенциала страны, формирование новых смыслов на основе глубоких традиций — все это определяет задачи России по укреплению суверенной государственности. А также необходимость проводить политику, направленную на эффективное противостояние попыткам внешнего давления. В том числе в виде глобализма⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исключение в этом ряду составляет культурология, которая родилась в рамках романтизма, нашла свое методологическое обоснование в рамках неокантианства и стала первой постклассической наукой, оказавшей идейное сопротивление универсализму модерна (Костина, 2020).

² Всероссийский опрос населения (N = 2000 человек, 2020 г.), проведенный Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в рамках Мониторинга состояния гражданского общества («Черный лебедь» ... , 2021).

³ Сама формула «Русского ковчега» стала основой игрового фильма режиссера А. Сокурова, снятого в 2001 г. в Зимнем дворце одним дублем без остановки камеры.

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 06.06.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

«Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 (2021) / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 336 с.

Аверьянов, В. В., Калашников, М., Черемных, К. А. (2021) Русский Ковчег. Альтернативная стратегия мирового развития / под ред. В. Аверьянова. М. : Наше завтра. 225 с. [Электронный ресурс] URL: <https://izborsk-club.ru/18825> (дата обращения: 06.06.2021).

Андрей Фурсов: «На пороге беда: “завеса мрака” встает над миром» (2019) [Электронный ресурс] // БИЗНЕС Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/431133> (дата обращения: 06.06.2021).

Арутюнян, А. (2018) Как рост экономики США повлияет на мировой финансовый рынок? [Электронный ресурс] // Финанс. URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/kak-rost-ekonomiki-ssha-povliyaet-na-mirovoiy-finansoviy-rynok-20180119-16001/> (дата обращения: 06.06.2021).

Бергер, Петер Л. (2004) Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация : культурное разнообразие в современном мире / под ред. Питера Л. Бергера и Сэмюэля П. Хантингтона ; пер. с англ. В. В. Сапова ; под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс. 378 с. С. 8–26.

Живая планета 2020. Переломить тренд сокращения биоразнообразия (2020) [Электронный ресурс] / под ред. Р. Е. А. Алмонда, М. Грутена, Т. Петерсена. Гланд: Всемирный фонд дикой природы. URL: <https://wwf.ru/upload/images/lpr/lpr2020-rus.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).

Иванов, В. В., Малинецкий, Г. Г. (2018) Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука. М. : УРСС. 304 с.

Ильинский, И. М. (2019) Это наша Страна, наш Путь и наша История // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 5–20.

Калинина, А. (2021) Рейтинг экономики мира в 2020–2021 [Электронный ресурс] // Visa Sam.ru URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/ekonomika-stran-mira-2.html> (дата обращения: 06.06.2021).

Кант, И. (1993) Соч. : на немецком и русском языках : в 4 т. Т. 1. Трактаты и статьи (1784–1796). М. : Издательская фирма АО «Ками». 586 с.

Костина, А. В. (2019) Национальная культура — этническая культура — массовая культура : «Баланс интересов» в современном обществе. М. : Ленанд. 216 с.

Кьеза, Дж. (2016) Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М. : Эксмо. 288 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://pub.wikireading.ru/38478> (дата обращения: 06.06.2021).

Медоуз, Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс, Й. (1994). За пределами роста: Предотвратить глобал. катастрофу. Обеспечить устойчивое будущее / перевод с англ. Г. А. Ягодина и др. ; под ред. Г. А. Ягодина. М. : Прогресс : Фирма «Пангея». 302 с.

Медоуз, Д. Х., Рандерс, Й., Медоуз, Д. Л. (2007). Пределы роста: 30 лет спустя / пер. с англ. Е. С. Оганесян. М. : ИКЦ «Академкнига». 342 с.

Моисеев, Н. (1998) Судьба цивилизации. Путь Разума. М. : МНЭПУ. 223 с.

Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения (2021). Апрель 2021 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М. : НИУ ВШЭ. 32 с.

Ремчуков, К. (2009) Что пишут на Западе о Великой депрессии // Независимая газета. 18 марта [Электронный ресурс] // Сайт «Независимой газеты». URL: https://www.ng.ru/crisis2009/2009-03-18/5_depression.html (дата обращения: 06.06.2021).

Россия — Ноев Ковчег человечества (РНК) : Философско-религиозные и методологические аспекты государственной идеологии будущей России (2019) / под общ. ред. Ю. В. Громыко и Ю. В. Крупнова. М. : Ленанд. 208 с.

Сафронова, А. (2012) Россия заняла 33 место в рейтинге потребления природных ресурсов [Электронный ресурс] // RUSBASE. URL: <https://rb.ru/article/rossiya-zanyala-33-mestov-reytinge-potrebleniya-prirodnih-resursov-foto/6939907.html> (дата обращения: 06.06.2021).

Синявская, О. В. Влияние пандемии COVID-19 на социальную политику в мире и в России // «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 (2021) / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 336 с. С. 39–54.

Фурсов, А. И. (2019) Большая драка неизбежна: по следам конференции в Санта Фе [Электронный ресурс] // LIVEJOURNAL. URL: <https://skeptimist.livejournal.com/3105694.html> (дата обращения: 06.06.2021).

Хантингтон С. (2011). Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М. : АСТ : Астрель. 571.

Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 06.06.2021).

Шпенглер, О. (1998). Закат Европы : в 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность. М. : Мысль. 663 с.

Штомпка, П. (1996) Социология социальных изменений : пер. с англ. ; под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект-пресс. 414 с.

Global culture: Nationalism, globalization a. modernity (1990) A theory, culture & society spec. iss. / ed. by M. Featherstone. London etc. : Sage. 411 p.

Meadows, D. H., Randers, J., Meadows, D. L., Behrens, W. W. (1972) The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N. Y. : Universe Books. 205 p.

Ritzer, G. (2000) Modern Sociological Theory. 5th edition. Boston : McGraw-Hill. 435 p.

Robertson, R., Khondker, H. (1998) Discourses of globalization: preliminary considerations // International Sociology. Vol. 13. № 1. P. 25–40.

- Schwab, K., Malleret, T. (2020) COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing, 280 p.
- Smith, Anthony D. (1995) Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge : Polity Press. 216 p.
- Waters, M. (1995) Globalization. Key ideas. L. : Routledge. 185 p.
- Weizsäcker, E. von, Wijkman, A. (2018) Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet (2018) A Report to the Club of Rome by Ernst von Weizsäcker and Anders Wijkman, co-authors in cooperation with 34 more Members of the Club of Rome prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. Springer Science+Business Media LLC. 220 p.

Дата поступления: 14.08.2021 г.

*THE 21ST CENTURY WORLD AND THE GLOBAL PROJECT:
ECONOMICS, ECOLOGY, HUMAN
A. V. KOSTINA
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES*

The pandemic has created a new social order, whose most significant manifestations are the lockdown restrictions, a halt to transportation, and a limit on interstate transport communication. These measures are undertaken by the governments of different countries and enjoy support of their citizens who take the pandemic situation seriously and consider these restrictions to be a necessity. This situation at the peak of these measures in 2020 was perceived as a return to the pre-global state of the world. The enlightenment idea of the humankind unity going through the same stages in its evolution and development, which was fully embodied in the globalisation project, seems to be coming to exhaustion. However, it is not so. The globalisation idea is still developing, one of the principal writings in this direction being K. Schwab's concept of "inclusive capitalism", outlined in the paper "COVID-19: The Great Reset", co-authored by T. Malleret. The paper contains many "correct" positive ideas, among which there is a thesis that the world as we knew it prior to the pandemic is no longer existent and the radical global changes are on a scale that they will be referred to as the "pre-coronavirus" era. Seemingly attractive is Schwab and Malleret's idea of "inclusive capitalism", which is defined by its authors as the individualization-related approach to every human's needs and the involvedness of every human in the management procedures of all production and social processes. However, the transition to inclusive capitalism, according to the authors, is only possible through the transference of power from the state to hypercorporations. Actually it means the development of the globalisation idea at a new stage. The paper conceives the reasons for the reactivation of globalist rhetoric and its content at a new stage of its development.

Keywords: globalisation; ecology; Club of Rome; universalism; humanism; financialism; economic crisis

REFERENCES

- «Chernyi lebed'» v beloi maske. *Analiticheskii doklad NIU VShE k godovshchine pandemii COVID-19 (2021)* / ed. by S. M. Plaksin, A. B. Zhulin, S. A. Farizova. Moscow, National Research University Higher School of Economics. 336 p. (In Russ.).
- Aver'ianov, V. V., Kalashnikov, M., Cheremnykh, K. A. (2021) *Russkii Kovcheg. Al'ternativnaia strategii mirovogo razvitiia* / ed. by V. Aver'ianov. Moscow, Nashe zavtra. 225 p. [online] Available at: <https://izborsk-club.ru/18825> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).
- Andrei Fursov: «Na poroge beda: "zavesa mraka" vstaet nad mirom» (2019) *BIZNES Online* [online] Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/431133> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).
- Arutiunian, A. (2018) Kak rost ekonomiki SShA povliiaet na mirovoi finansovyi rynek? *Finam* [online] Available at: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/kak-rost-ekonomiki>

ssha-povliyaet-na-mirovoiy-finansovyy-rynok-20180119-16001/ (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

Berger, Peter L. (2004) Kul'turnaia dinamika globalizatsii. In: *Mnogolikaia globalizatsiia : kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire* / ed. by Peter L. Berger and Samiuel P. Hantington; transl. from English by V. V. Sapov ; ed. by M. M. Lebedeva. Moscow, Aspekt Press. 378 p. P. 8–26. (In Russ.).

Zhivaiia planeta 2020. Perelomit' trend sokrashcheniia bioraznoobrazii (2020) / ed. by R. E. A. Almond, M. Gruten, T. Petersen. Gland, Vsemirnyi fond dikoi prirody [online] Available at: <https://wwf.ru/upload/images/lpr/lpr2020-rus.pdf> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

Ivanov, V. V., Malinetskii, G. G. (2018) *Rossii: XXI vek. Strategiia proryva. Tekhnologii. Obrazovanie. Nauka*. Moscow, URSS. 304 p. (In Russ.).

Il'inskii, I. M. (2019) Eto nasha Strana, nash Put' i nasha Istoriia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 5–20. (In Russ.).

Kalinina, A. (2021) Reiting ekonomiki mira v 2020–2021. *VisaSam.ru* [online] Available at: <https://visasam.ru/emigration/vybor/ekonomika-stran-mira-2.html> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

Kant, I. (1993) *Soch. : na nemetskom i russkom iazykakh* : in 4 vols. Vol. 1. Traktaty i stat'i (1784–1796). Moscow, Izdatel'skaia firma AO «Kami». 586 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2019) *Natsional'naia kul'tura — etnicheskaiia kul'tura — massovaiia kul'tura: «Balans interesov» v sovremennom obschestve*. Moscow, Lenand. 216 p. (In Russ.).

K'eza, Dzh. (2016) *Rusofobiiia 2.0: bolezni' ili oruzhie Zapada?* Moscow, Eksmo. 288 p. [online] Available at: <https://pub.wikireading.ru/38478> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

Medouz, D. Kh., Medouz, D. L., Randers, I. (1994). *Za predelami rosta: Predotvratit' global. katastrofu. Obespechit' ustoichivoe budushchee* / transl. from English by G. A. Iagodin et al; ed. by G. A. Iagodin. Moscow, Progress : Firma «Pangeia». 302 p. (In Russ.).

Medouz, D. Kh., Randers, I., Medouz D. L. (2007). *Predely rosta: 30 let spustia* / transl. from English by E. S. Oganessian. Moscow, IKTs «Akademkniga». 342 p. (In Russ.).

Moiseev, N. (1998) *Sud'ba tsvivilizatsii. Put' Razuma*. Moscow, International Independent Ecological and Political Science University. 223 p. (In Russ.).

Monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia i sotsial'nogo samochuvstviia naseleniia (2021). April' 2021 / ed. by L.N. Ovcharova. Moscow, National Research University Higher School of Economics. 32 p. (In Russ.).

Remchukov, K. (2009) Chto pishut na Zapade o Velikoi depressii. *Nezavisimaiia gazeta*. March 18 [online] Available at: https://www.ng.ru/crisis2009/2009-03-18/5_depression.html (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

Rossiiia — Noev Kovcheg chelovechestva (RNK): Filosofsko-religioznye i metodologicheskie aspekty gosudarstvennoi ideologii budushchei Rossii (2019) / ed. by Iu. V. Gromyko and Iu. V. Krupnov. Moscow, Lenand. 208 p. (In Russ.).

Safronova, A. (2012) Rossiia zaniala 33 mesto v reitinge potrebleniia prirodnkh resursov. *RUSBASE*. [online] Available at: <https://rb.ru/article/rossiya-zanyala-33-mesto-v-reytinge-potrebleniia-prirodnkh-resursov-foto/6939907.html> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

Siniavskaiia, O. V. Vliianie pandemii COVID-19 na sotsial'nuiu politiku v mire i v Rossii. In: *«Chernyi lebed'» v beloi maske. Analiticheskii doklad NIU VShE k godovshchine pandemii COVID-19* (2021) / ed. by S. M. Plaksin, A. B. Zhulin, S. A. Farizova. Moscow, National Research University Higher School of Economics. 336 p. P. 39–54. (In Russ.).

Fursov, A. I. (2019) Bol'shaia draka neizbezhna: po sledam konferentsii v Santa Fe. *LIVE-JOURNAL* [online] Available at: <https://skeptimist.livejournal.com/3105694.html> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

Khantington, S. (2011). *Stolknovenie tsvivilizatsii* / transl. from English by T. Velimeev. Moscow, AST : Astrel'. 571 p. (In Russ.).

Tseli v oblasti ustoichivogo razvitiia [online] Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

- Shpengler, O. (1998). *Zakat Evropy* : in 2 vols. Vol. 1. Geshtal't i deistvitel'nost'. Moscow, Mysl'. 663 p. (In Russ.).
- Shtompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* / transl. from English; ed. by V. A. Iadov. Moscow, Aspekt-press. 414 p. (In Russ.).
- Global culture: Nationalism, globalization a. modernity* (1990) A theory, culture & society spec. iss. / ed. by M. Featherstone. London etc, Sage. 411 p.
- Meadows, D. H., Randers, J., Meadows, D. L., Behrens, W. W. (1972) *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York, Universe Books. 205 p.
- Ritzer, G. (2000) *Modern Sociological Theory*. 5th edition. Boston, McGraw-Hill. 435 p.
- Robertson, R., Khondker, H. (1998) Discourses of globalization: preliminary considerations. *International Sociology*, vol. 13, no. 1, pp. 25–40.
- Schwab, K., Malleret, T. (2020) *COVID-19: The Great Reset*. Forum Publishing, 280 p.
- Smith, Anthony D. (1995) *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge, Polity Press. 216 p.
- Waters, M. (1995) *Globalization. Key ideas*. London, Routledge. 185 p.
- Weizsäcker, E. von, Wijkman, A. (2018) *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome by Ernst von Weizsäcker and Anders Wijkman, co-authors in cooperation with 34 more Members of the Club of Rome prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018*. Springer Science+Business Media LLC. 220 p.

Submission date: 14.08.2021.

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: Anna_Kostina@inbox.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Professor, Vice-Rector for Research, Moscow University for the Humanities; Member, International Academy of Sciences (Innsbruck, Austria). Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

DOI: 10.17805/zpu.2021.4.9

Пандемия COVID-19 в 2021 году: проблемы доверия

В. Г. ФЕДОТОВА

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

В статье рассмотрено влияние пандемии коронавируса на повседневность. Автор обращается к социальной феноменологии А. Щюца и его концепции дома. Изменившись под влиянием пандемии и ее ограничений, дом бросает вызов нашим представлениям о нем. Он начинает выглядеть как чей-то чужой дом, мы становимся для него чужаками. Изменения дома ставят нас в позицию людей, лишенных части субъектности.